

Перед глазами возник силуэт девушки, пробивающейся сквозь поток людей, и этот образ словно наложился на воспоминание о ком-то другом — таком же упрямом, таком же израненном. Эта решимость не щадить себя, лишь бы предотвратить трагедию, была до боли знакома и заставила что-то внутри души болезненно сжаться.

Воспоминания о прошлой жизни хлынули, словно прорвавшая плотину река.

Это было на окраине руин сгоревшего города небожителей. Некогда процветающее поселение теперь было окутано темно-красным магическим барьером, сотканным из бесчисленных искаженных рун и воплей заблудших душ. Внутри этого купола в небо били кровавые столбы света, а обычные люди и низшие культиваторы, словно хворост, брошенный в горнило, сгорали, отдавая свои жизненные силы и души на алтарь этого чудовищного массива. Даже сквозь магическую завесу пробивались душераздирающие крики отчаяния.

Шэнь Цинъюэ тогда был в лохмотьях, а его лицо скрывала разбитая серебряная маска, закрывавшая лишь верхнюю часть, обнажая бледную, лишенную всякой крови нижнюю половину лица. Он был слеп, но пустые глазницы упрямо смотрели на гибнущий город. Хотя он находился в сотнях тысяч чжанов от барьера, ужасающая сила всасывания и зловещая аура заставляли его тело пошатываться.

Пара теплых, но дрожащих от безнадёжности рук внезапно крепко обхватила его худую талию сзади.

— Маленький слепец! — раздался у самого уха надрывный крик. Это была Хун Луань, девушка, яркая, словно пламя, осветившая его темные годы. Сейчас по ее прекрасному лицу текли слезы, а красное платье рвалось от потоков магической энергии. — Ты сошел с ума?! Это же массив Кровавого очищения десяти тысяч душ! Им управляет старый демон Кровавой реки! Эта маска не всесильна, ты не сможешь его одолеть. Если бросишься туда, тебя превратит в кровавую пыль еще до того, как ты приблизишься! Почему ты хочешь вернуться, когда мог бы просто сбежать?

Ее голос дрожал от страха — не только перед разрушительным массивом, но и перед тем, что юноша в ее руках сейчас пойдет на верную смерть.

Тело юного Шэнь Цинъюэ сильно дрожало в объятиях Хун Луань. Он чувствовал ее обжигающие слезы и пронизывающее до костей отчаяние. Однако спина его оставалась прямой. Он с трудом повернул лицо в маске в сторону, откуда доносился голос, и ответил — голос его звучал как трение песка, но в нем слышалась непоколебимая решимость:

— Сестра Хун Луань... я... я не могу бежать. Я уже однажды сбежал. Видел, как деревня, приютившая меня, погибла лишь потому, что случайно задела кого-то из так называемых бессмертных. Когда я опомнился, ночное небо пылало, а дома рушились в огне. Перепуганные селяне, словно стадо овец, гибли под холодными лучами света. Женщину, прижимавшую к себе ребенка, подбросило в воздух невидимой силой, ее крик оборвался, и она превратилась в кровавый дождь. А я... я испугался. Сжавшись за разрушенной стеной, я так сильно кусал

губы, что кровь текла по зубам, а ногти впивались в ладони. Ненависть и бессилие разрывали меня изнутри. То, что происходит сейчас в этом городе, так похоже на тот ад!

Голос Шэнь Цинъюэ пропитался ледяным холодом и одновременно жгучим пламенем — так звучит человек, вернувшийся из преисподней:

— Я поклялся... никогда больше не стоять в стороне и не смотреть, как невинных людей косят, словно траву! Как мои близкие умирают на моих глазах!

Он сделал резкий вдох, словно вбирая в себя всю ненависть и решимость, и указал на кровавый барьер:

— Там еще остались живые! Там люди, которые, как и мы тогда, кричат от отчаяния! Я клялся... что сокрушу этот проклятый мир, где сильный пожирает слабого, а жизни людей ни во что не ставят! И начну прямо отсюда!

Он повернулся к Хун Луань. Хотя он не видел, он точно знал, где ее заплаканное лицо. Он поднял холодную руку и медленно, но твердо разжал ее пальцы, которыми она до побелевших костяшек вцепилась в его пояс.

— Повсюду стоны и кровавый город... — прошептал юноша с какой-то священной печалью и решимостью, — ...но я пришел, чтобы спасти живых. Так говорил один великий человек из моих родных краев.

Его пальцы коснулись холодной тыльной стороны ладони Хун Луань с нежностью прощания:

— Сестра Хун Луань, спасибо тебе... за то, что исцелила мои глаза и позволила увидеть зло этого мира... и свой собственный путь.

Он помолчал, и голос его стал тише, с оттенком едва уловимой надежды:

— Если выживу в этой битве... я обязательно вернусь, чтобы отплатить за твою доброту!

Затем его голос внезапно окреп, прозвучав как приказ, не терпящий возражений:

— А сейчас... уходи! Уходи быстро! Надеюсь... мы еще увидимся!

Не дожидаясь ответа, он изо всех сил рванулся, освобождаясь от объятий Хун Луань. Разбитая серебряная маска в отблесках кровавого массива сияла холодным, демоническим светом. Он больше не оглядывался, не сомневался. Высвободив последние крохи сил, он, словно метеор, летящий в ад, с израненным, истощенным телом бросился прямо на барьер массива Кровавого очищения десяти тысяч душ! Душераздирающий крик Хун Луань потонул в грохоте массива и

свисте ветра...

Очнувшись от воспоминаний, Шэнь Цинъюэ ощутил, как его взгляд стал глубоким, словно в нем отразились звезды, прошедшие сквозь тысячи лет. Он глубоко вздохнул, отсекая шум и крики вокруг. Его сознание погрузилось в глубины моря духа, к парящему золотому помосту. В центре стояло огромное древнее дерево, чьи ветви поредели, а свет померк — оно было серьезно повреждено.

Не колеблясь, он протянул руку к шершавому стволу. Как только ладонь коснулась древесины, по телу пробежала ледяная, до боли знакомая дрожь. Вспыхнул свет, и в его руке появилась та самая разбитая серебряная маска. Старая, покрытая сетью трещин, она все еще излучала тусклое, но стойкое сияние звездной пыли.

— Ну что, старый друг... — Шэнь Цинъюэ провел пальцем по холодным трещинам, и на его губах появилась улыбка, полная печали и жажды битвы. — В этот раз я снова не могу остаться в стороне. А раз ты так долго молчал... тогда не обессудь, пройди этот путь со мной еще раз!

С этими словами он без колебаний надел маску на лицо.

Тем временем в другом месте.

Шэнь Цинъюэ неслась против потока, ее душа разрывалась от боли из-за форсированного использования сил. Она вытащила Кристалл волшебницы — тусклый, покрытый трещинами камень — и крепко сжала его в ладони.

— Дай мне сил... — прорычала она, дрожа от боли и нетерпения. — Умоляю... дай мне сил! Я не могу... не могу больше смотреть, как они умирают! Я не хочу... больше видеть слезы!

Кристалл в ее руке яростно завибрировал, трещины, казалось, поползли дальше, источая волну сопротивления и жалобный стон. Он предупреждал ее: тело и дух на грани коллапса, последствия принудительной трансформации будут ужасающими!

— Прощу тебя! — почти взмолилась Шэнь Цинъюэ, сдерживая слезы. Прямо перед ней паутина уже настигала ребенка, а крик его матери, разрывающий душу, вонзился в ее сердце, как нож!

В этот критический момент изнутри кристалла донесся едва слышный вздох, полный бессилия и сострадания.

Вжух!

Тусклый кристалл внезапно взорвался крайне нестабильным, но ослепительным светом, окутавшим Шэнь Цинъюэ!

Когда свет погас, на ее месте оказалась крошечная фигурка ростом около метра двадцати — Волшебница Звездного плетения, форма Лунного ростка.

Ее серебристые волосы, доходившие до пояса, стали бледно-желтыми и были заплетены в озорные хвостики. Боевой костюм был удивительно прост: верх напоминал нежно-фиолетовый слитный купальник, прикрывавший грудь, которая теперь стала такой же плоской, как у ее младшей сестры. Низ представлял собой колготки того же цвета, подчеркивавшие стройные ножки. Руки были скрыты длинными белоснежными шелковыми перчатками до локтей. В руках она держала простое белое длинное копье-лук, которое можно было разделить на две части.

Шэнь Цинъюэ почувствовала силу, текущую по жилам, но сердце ее упало. Слишком слабо! Это цена за поврежденный кристалл и истощенное тело? Форма Лунного ростка... самая базовая и слабая из всех ее боевых ипостасей.

Но этого достаточно!

Лишь бы натянуть тетиву, лишь бы взмахнуть клинком, лишь бы... спасти человека!

Ее светло-фиолетовые глаза зафиксировались на чудовищной демонической твари, терзающей добычу. Хвостики взметнулись на ветру, и крошечное тело, в котором вспыхнула невероятная мощь, подобно фиолетовому метеору, бросилось в кровавое месиво!

Перед пауком-демоном маленькая девочка, сорвавшая голос от крика, была медленно затягиваема в паутину.

В этот миг фиолетовый метеор прорезал воздух и с невероятной скоростью рухнул вниз! Крошечная фигурка Звездной ткачихи (Шэнь Цинъюэ) точно вклинилась между паутиной и ребенком! Белый лук в ее руках сверкнул и разделился на два длинных клинка, мерцающих холодным лунным светом.

— Рассечь!

Холодный окрик — и клинки, подобно молниям, описали перекрестную серебряную дугу! Чик! Прочная паутина лопнула, словно масло под горячим ножом!левой рукой Звездная ткачиха подхватила ошоломленную девочку и прижала к себе. От огромной инерции ее крошечное тело слегка просело, а земля под ногами треснула, но она устояла.

Глаза девочки, полные отчаяния, расширились. Почувствовав этот прохладный, но такой надежный объятие, она мгновенно сменила ужас на восторг спасения. Она инстинктивно вцепилась в шею Звездной ткачихи, подняла личико и, глядя на ее изящное, спокойное лицо, в котором читалась непреклонная воля к защите, выпалила:

— Се... сестренка! Ты... волшебница?!

Звездная ткачиха слегка опустила голову. Ее глаза, похожие на фиолетовые кристаллы, встретились с полным надежды взглядом ребенка. Не дрогнув, она едва заметно кивнула:

— Да.

Один короткий слог, но в нем была сила, дарующая покой.

— Наньнань! Моя Наньнань! — мать девочки, спотыкаясь, бросилась к ним, заливаясь слезами радости и облегчения.

Звездная ткачиха быстро передала ребенка матери. Ее голос оставался ровным, но звучал как приказ:

— Уводи ее. Спрячьтесь подальше.

Больше ни слова. Она даже не взглянула на благодарную женщину. Светло-желтые хвостики описали дугу в воздухе, и крошечная фигурка, снова превратившись в поток света, без колебаний бросилась на паука-демона, который пришел в ярость, лишившись добычи!

— Сссс-pppp-aaaa!!!

Потеряв еду, паук-демон издал пронзительный, режущий уши крик своей искаженной женской головой. Восемь фасеточных глаз уставились на Звездную ткачиху, полные злобы и ярости! Его огромное тело развернулось, брюхо судорожно задергалось, и густые, испускающие фиолетово-черный ядовитый свет нити паутины, словно плотный ливень стрел, обрушились на нее!

<http://bllate.org/book/18890/1845852>